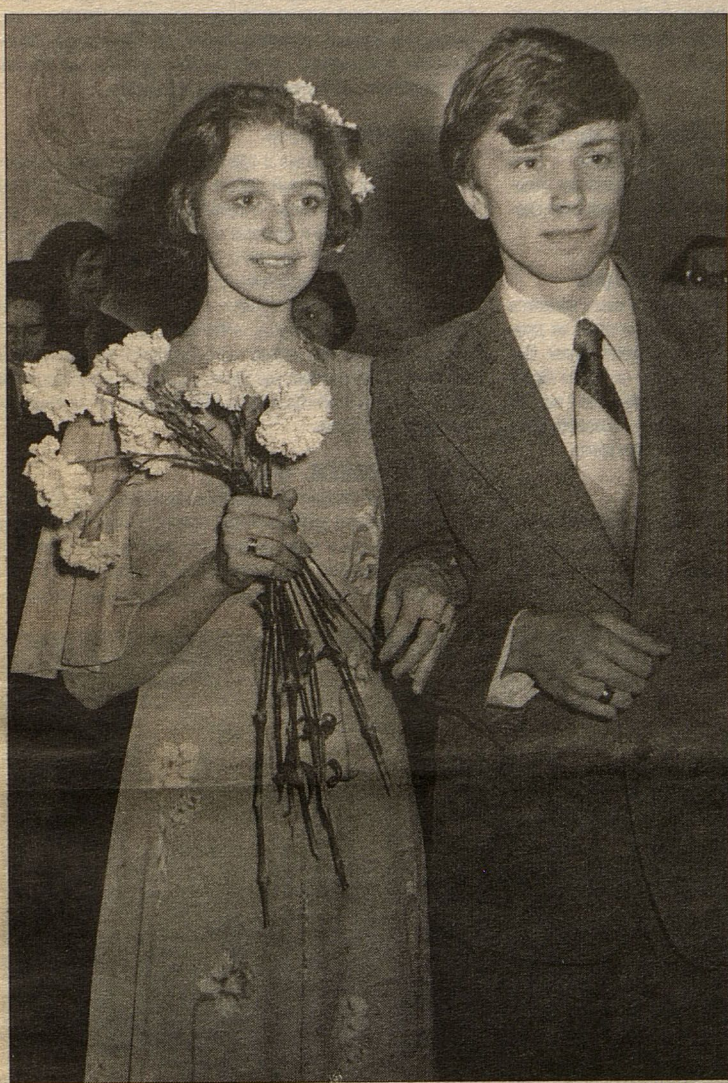

«Бывают пьяные дни
в истории народов.
Их надо пережить,
но жить в них всегда
невозможно»

Аня позвонила в больничную палату 7 октября, за несколько часов до трагедии на Лесной улице. Говорили о родных, о домашних хлопотах... О работе – ни слова: человеку на больничной койке нельзя волноваться.

Раиса Александровна **МАЗЕПА** — о последнем разговоре с дочерью.

— Аня позвонила утром, и десяти часов не было. Она вообще должна была приехать, это был ее день, но помешали какие-то хозяйственные дела. Аня сказала, что вместо нее придет моя вторая дочь, Лена, и пообещала, что в воскресенье мы уж точно увидимся. Я еще обратила внимание на ее хорошее настроение, голос у нее был веселый. Аня спросила: «Мам, как ты себя чувствуешь? Книгу читаешь?». Она знала, что я люблю историческую литературу, ну вот и привезла мне книгу Александра Манько «Августейший двор под сенью Гименея». Сама она ее не читала. Я говорю: «Аня, тяжело мне читать, каждую страницу по три раза перечитываю, потому что все время отец перед глазами». (Муж Раисы Александровны скончался незадолго до этого разговора. — **Ред.**) Она попыталась меня успокоить: «Он не мучился, все сразу произошло, ехал тебя навещать... Давай лучше о книге». Я говорю: «Аня, там есть эпиграф на 179-й странице, так это за сердце берет, это ведь наше, российское». И зачитываю ей этот эпиграф. «Ой, мама, — отвечает Аня, — ты закладку положи, только не забудь». Я спросила дочь, кто автор эпиграфа, и она мне рассказала об известной русской поэтессе Тэффи. А

потом: «Мама, до завтра...». Она была в очень хорошем настроении. Может, оно у нее и плохое было и она делала вид, что все хорошо, чтобы меня не огорчать?

А назавтра, в воскресенье, утром рано, раньше обычного, пришла медсестра и сделала мне укол. Я еще подумала: почему так рано? Сейчас понимаю, что мне кололи успокоительное. Потом пришла дочь Лена с мужем. А я знала, что зять в командировке и не должен был быть в Москве. И вижу, у Юры — слеза по щеке... Он ко мне прижался: «Раиса Александровна...». А дальше говорить не может. И у Лены слезы ручьем. Я спрашиваю: «Аню убили?». Лена говорит: «Да, убили...» — «Когда?» — «Вчера...».

Я всегда очень беспокоилась за нее. Незадолго до того, как лечь в больницу, у нас состоялся разговор. Она готовила статью о Чечне, и я ее просто умоляла быть осторожнее. Помню, она тогда сказала: «Я понимаю, конечно, что надо мной всегда висит дамоклов меч. Я это понимаю, но славиться не хочу».

Теперь мне надо за нее жить. Только несправедливо очень: сразу двоих у меня Бог забрал.

«Новая газета»

НА ПЕРВЫХ ПОЛОСАХ

«Я принимаю риск»

Студенты журфака МГУ выпустили специальный выпуск газеты, посвященный Анне Политковской

Выстрел в совесть

«Смерть журналистки — страшное, но высшее признание ее заслуг»

из речи на похороны

Политковская (Мазепа)
 Анна Степановна
 училась на факультете
 журналистики МГУ с 1975
 по 1980 годы. Лекции ей
 читали те же преподаватели,
 что и нам:
 Я.Н. Засурский, Е.П. Прохорова,
 Л.Е. Татарина, В.Я. Линкина,
 Н.И. Ваникова...

